

УДК 811.161.1

**РЕЛИГИОЗНЫЕ И СВЕТСКИЕ РЕЧЕ-ПОВЕДЕНЧЕСКИЕ
ТАКТИКИ ОБЛИЧЕНИЯ ГРЕХА***А.Ю. Чернышёва***Аннотация**

Статья посвящена описанию несовпадающих религиозных и светских рече-поведенческих тактик обличения деликта (гордости, идолопоклонства, ложной интерпретации прав человека) в наставлениях Святейшего Патриарха Кирилла. Доказывается, что расхождение тактик в светской и религиозной культурах обусловлено «религиозным и нравственным индифферентизмом», поддерживаемым влиянием западного ультралиберального стандарта.

Ключевые слова: рече-поведенческая тактика, реализация, религиозная и светская культуры.

Вводные замечания

Актуальная в настоящее время проблема взаимодействия языка и культуры показала, что в сложной глобальной языковой картине мира по отношению к религии в России выделяются религиозная (православная) и светская культуры. Проблема взаимодействия языка и культуры изучается нами с помощью понятия *рече-поведенческая тактика*, которая определяется как «однородная по интенции и реализации линия поведения коммуниканта-1, входящая в его усилия ради достижения стратегического перлокутивного эффекта» [1, с. 525].

На глубинном уровне рече-поведенческая тактика онтологически невербальна: она является единицей сапиентемы. Е.М. Верещагин и В.Г. Костомаров пишут: «Копуляция (то есть динамическое [предикативное] сопряжение) хотя бы двух идей, особенно онтологической и этической, – это и есть, в наших терминах, *сапиентема per se*, априорное и невербальное врождённое сознание (знание и этическая установка)» [1, с. 953].

На поверхностном уровне тактика развёртывается в тексте, существуя в вербальных реализациях (вербальных речевых актах, или предложениях) [1, с. 527]. Рече-поведенческая тактика социальна, то есть принята во всей национально-культурной среде говорящих на том или ином языке. Её реализации являются достоинством каждого члена общества. Будучи повторяемыми, рече-поведенческие тактики становятся стереотипами (клишированными или полуклишированными предложениями), хотя могут быть и личностными [1, с. 526].

Настоящая статья посвящена рассмотрению религиозных и светских рече-поведенческих тактик обличения деликта в наставлениях Святейшего Патриарха Кирилла (I–III). В его наставлениях находят отражение две тенденции общественного развития: с одной стороны, укоренившаяся тенденция влияния религии

на светскую мораль, порождающая рече-поведенческие тактики, которые совпадают с религиозными [2], с другой – тенденция «религиозного и нравственного индифферентизма», вызывающая несовпадение светских и религиозных тактик. О случаях нравственного индифферентизма патриарх Кирилл говорит так: *Мы живём в эпоху торжества секуляризации – не столько формальной, подразумевающей отделение Церкви от государства, сколько фактической, с отделением светского начала от духовного, – обмирщения массового сознания, вымывания религиозно-нравственных ценностей из повседневной жизни людей* (I, с. 60).

Экстремистские идеи секулярного мира, воплотившиеся в ультралиберализме, противоположны православию тем, что имеют отличные от него приоритеты: православная культура отстаивает теоцентричную систему ценностей, в центре которой Бог и Его воля, а секулярный мир в центр системы ценностей ставит человека со всеми его проявлениями. Различия в религиозной и светской культурах обнаруживаются в рече-поведенческих тактиках обличения гордости, идолопоклонства и ложной интерпретации прав человека.

Тактики обличения гордости

Гордость проявляется и в чувствах, и в поведении. Толковый словарь указывает на положительные и отрицательные свойства концепта *гордость*: отмечается, что гордость – это «чувство собственного достоинства, самоуважения», а также «высокомерие, чрезмерно высокое мнение о себе, спесь» [3, с. 162]. *А высокомерие*, в свою очередь, толкуется как «гордое и надменное поведение, отношение к кому-нибудь» [3, с. 137]. Следовательно, на лексическом уровне можно видеть энантиосемию слова *гордость*.

В составе рече-поведенческой тактики слово *гордость* проявляет те же значения, приводя к случаям несовпадения религиозной и светской рече-поведенческих тактик в оценке гордости. В наставлениях патриарха приводятся религиозная и светская рече-поведенческие тактики, включающие концепт *гордость*. Религиозная тактика сохраняет исконно церковное значение слова («Гордость – это грех, требующий обличения»), светские тактики дифференцированы: одна из них совпадает с религиозной, но отличается от неё тенденцией к утрате актуальности, другая представлена её противочленом («Гордость – это добродетель, требующая восхваления»).

Итак, в религиозной культуре гордость – это страшный грех. Профессор А.И. Осипов, цитируя Слово Божие (*Всякий грех и хула, простятся человеку; а хула на Духа не простится человеку. Если кто скажет слово на Сына Человеческого, простится ему; если же кто скажет на Духа Святого, не простится ему ни в сем веке, ни в будущем* (Мф 12: 31–32)), пишет: «Святые Отцы однозначно понимают эти слова. Хула на Духа Святого – это гордость, самопревозношение человека, ожесточение против истины, правды, совести» [4, с. 116–117].

В религиозных реализациях рече-поведенческой тактики «Гордость – это грех, требующий обличения» приводятся прецедентные тексты-стереотипы: слова апостола Петра (1 Пет 5: 5) *Бог гордым противится, а смиренным даёт благодать* (III, с. 391), формула Иоанна Лествичника *Гордость есть отвержение Бога* (III, с. 387). Религиозная реализация содержит и практическое назидание патриарха: *Но поскольку гордость в полной мере обнаруживает саму природу*

греха, то бороться с этим пороком очень трудно, и не может человек победить гордость, как силой Божией. Поэтому молитва, участие в таинствах Церкви, постоянное размышление над своей жизнью, над движениями своей души, над своими помыслами, строгий суд над самим собой могут помочь человеку преодолеть гордость (III, с. 215).

Светские реализации рече-поведенческой тактики «Гордость – это грех, требующий обличения» раскрывают сущность гордости с общечеловеческой точки зрения и дают рекомендации всем людям без исключения относительно того, как бороться с этим пороком: *Что же происходит в душе гордого человека? Он самого себя поставляет в центр жизни, а все остальные люди для него – на периферии этой жизни. <...> Гордый человек все свои достижения приписывает исключительно самому себе <...>. Гордости особенно подвержены люди талантливые, способные, честолюбивые. Человек, сознавая свои таланты и свою силу, этими талантами и объясняет всё положительное, что происходит в его жизни. <...> Мудрость всегда предполагает критическое отношение к самому себе, способность видеть свои ошибки. Очень помогает также сравнение самого себя с более способными, более мудрыми, более образованными людьми. Иногда нам кажется, что мы самые сильные, самые умные в том окружении, в котором находимся. Но нужно задать себе вопрос: а является ли твоё окружение самым талантливым, самым образованным и самым сильным?* (III, с. 387–390).

Реализуя светскую рече-поведенческую тактику «Гордость – это добродетель, требующая восхваления», патриарх Кирилл говорит и о том, что светская культура воспринимает гордость в положительном смысле: *Даже в художественной литературе, не говоря уже о массовом сознании, гордость часто представляется как добродетель. Гордость в сознании людей является практически синонимом силы, мужества, независимости человека, его достоинства* (III, с. 402). Понятие гордости как синонима силы, мужества, достоинства человека показывает, насколько оно далеко от учения Церкви, потому что гордый человек не способен к покаянию, а значит, и к спасению.

Тактики обличения идолопоклонства

Религиозная рече-поведенческая тактика «Не сотвори себе кумира» является второй заповедью Декалога – заповедью Бога, данной Им пророку Моисею. В настоящее время имеет место расхождение тактик «Не сотвори себе кумира» в религиозной и светской культурах.

Пример дивергенции тактик приводится в [1, с. 529]. Анализируя рече-поведенческие тактики «Не поддавайся печали – Don't worry!», Верещагин и Костомаров отмечают, что в англо-американской культуре, пропагандирующей философию успеха, согласно которой необходимо процветать любой ценой, а оказаться в беде стыдно, тактика «Don't worry!» напоминает о необходимости не поддавать вида, что вас постигло несчастье, а в русской культуре тактика «Не поддавайся печали» направлена на реальное изгнание печали.

Патриарх Кирилл использует религиозную тактику «Не сотвори себе кумира» в узком (исконном) и широком смыслах. В узком смысле тактика связана с ветхозаветной заповедью (*Не сотвори себе идола ни из золота, ни из серебра*

и пр., *не поклоняйся ему как Богу*), что отражается и в приводимых патриархом её реализациях: *Но людям всегда хотелось знать, что есть Бог, им всегда хотелось обрести Того, Кто создал мир и человека, и потому почти вся история мира – это история поисков Бога. Мы знаем, как в древности люди, желая представить себе Бога великого, создавшего мир, фантазировали, создавая неких идолов, иногда величественных, огромных, сделанных из золота и серебра. Людям казалось, что нужно сделать нечто значительное, прекрасное, чтобы хоть как-то отобразить их понимание Бога. И мы знаем, что всё это было тщетным, суетным, ложным и даже греховным* (III, с. 445). Эта реализация косвенно обличает поиски богов, чуждых Богу во Иисусе Христе, который открыл нам волю через Свои заповеди.

В широком смысле под идолами понимается любая страсть (сребролюбие, славолюбие, чревоугодие, любостяжание, гордость, тщеславие, лицемерие, раболепство духу времени, излишняя привязанность к человеку, то есть любовь к нему больше, чем к Богу, и др.). Патриарх Кирилл подчёркивает: *Сегодня никто нас не принуждает отказываться от Бога, никто не предлагает построить видимых истуканов, никто не предлагает идеологических схем, которые были бы обязательными для всего народа. Сегодня происходит нечто не менее опасное – воздвигается невидимый золотой истукан, и ему начинают поклоняться люди, забывая о Боге и о Божией правде. Сила денег и сила власти так будоражат сознание человека, что иногда все силы отдаются стяжанию богатства и власти, и куда-то далеко на периферию уходит духовная жизнь человека с размышлениями о Боге, о своём предназначении, о цели бытия, о нравственной ответственности, о смысле человеческой жизни* (III, с. 202); *На место истинной веры и высокой нравственности в «нейтральном» обезбоженном обществе неизбежно придут и уже приходят самодовлеющие, жаждущие слёз и крови кумиры – радикализм, гордыня, культ потребления, эгоизм* (I, с. 298).

В светской культуре тактика «Не сотвори себе кумира» означает «призыв иметь свободную совесть, самостоятельный и смелый ум» [3, с. 390] и имплицитно запрещает *не будь зависим от чуждого мнения*. Светские реализации тактики «Не сотвори себе кумира» косвенно призывают и к самостоятельному решению проблемы добра и зла: *Наши оппоненты-либералы говорят: мол, Церковь хочет иметь верховное право решать, что есть добро, а что зло, быть всем судьёй, получить власть над всеми людьми, а мы, мол, не хотим этого, мы желаем быть свободными, и пускай каждый определяет для себя, что есть добро, а что зло* (I, с. 364); *Не должно быть ничего, что сковывает и ограничивает меня в проявлении моей самости, в утверждении моего «Я». Пусть оно греховно и даже преступно – это никого не касается до тех пор, пока я не совершаю преступных деяний* (I, с. 432); *Что же касается валеологии, которую её авторы именуют «религией XX века», то уже поставлен вопрос о включении её в обязательную программу. <...> Основопологающий принцип педагогики валеологии есть свободное самоопределение ребёнка, который не должен быть скован ничем, включая нормы веры и национальной традиции. Ребенок свободен в выборе того, что ему больше нравится. Если он желает половую жизнь в 12 лет, ему не следует препятствовать. Долг взрослых – лишь обеспечить его соответствующими гигиеническими и защитными средствами. Хочет подросток избрать*

экзотическую сексуальную ориентацию – ни Церковь, ни родители, ни школа не вправе вмешиваться в его «свободный выбор» (I, с. 472–473).

Между тем святые отцы не приветствуют стремление к излишней самостоятельности ума. Преподобный Оптинский старец Макарий пишет: «Своему же разуму опасайся доверять, хотя ты и точно уверен, что дело так; однако лучше совет, нежели самосмышление: избавишься высимости <высокоумия>» [5, с. 232]. Акцент на свободе и независимости мнения небезопасен для духовно не просвещённого человека, так как может привести к развитию самого опасного греха в православном учении – гордости.

Тактики обличения ложной интерпретации прав человека

Большие разночтения связаны и с рече-поведенческой тактикой обличения ложной интерпретации прав человека, аккумулирующей значения расходящихся в религиозной и светской культурах тактик. Дивергенция этих тактик вскрывает разное отношение той и другой культуры к преданию Церкви в решении вопроса о праве и свободе личности. Православная культура обличает секулярный мир в ультралиберализме: в отказе от призыва к освобождению от греха, в пропаганде личности с неограниченными правами и свободами, допускающими юридическое определение человека, нарушающее предание Церкви. Секулярный мир также обличает православие в ложной интерпретации прав человека: в определении свободы как освобождения от греха и тем самым в ограничении прав и свобод личности.

В религиозных реализациях, включающих в себя прецедентные тексты-стереотипы, патриарх Кирилл со ссылкой на авторитет Божественного Откровения даёт православное понимание свободы человека: *Истинно, истинно говорю вам: всякий, делающий грех, есть раб греха* (Ин 8: 38). <...> *Итак, стойте в свободе, которую даровал нам Христос, и не подвергайтесь опять игу рабства* (Гал 5: 1) (II, с. 159). Эту мысль Патриарх приводит и в поведенческих реализациях при обращении к живущим на Западе: *Подумайте о будущем человечества. Потому что, упразднив понятие греха, раскрепостив падшего человека, вы высвободили страшный разрушительный потенциал человеческих страстей и инстинктов, которые в условиях либеральных свобод способны разрушить человеческую цивилизацию* (I, с. 497–498); *Выступите против господствующей либеральной модели общества! Скажите правду о грехе, осудите однополые браки!* (II, с. 357).

В религиозных реализациях рече-поведенческой тактики обличения ложной интерпретации прав человека патриарх Кирилл приводит конкретные примеры проявления свободы человека в секулярном мире: *Совсем недавно Европейский суд по правам человека осудил Италию за то, что в классах итальянских школ висит распятие. Критерием были «права человека» – распятие в школе, где 90% детей принадлежат к христианской Церкви, якобы нарушает права религиозных меньшинств. В результате был вынесен этот несправедливый приговор. Если вы приедете накануне Рождества в Великобританию, вы там не увидите слова Christmas – «Рождество». Вместо него появилось непонятное Xmas – нельзя употреблять слово «Рождество», чтобы не обидеть некие религиозные меньшинства. <...> Дело не в религиозных меньшинствах, а в том, что на основе*

ложной интерпретации прав человека во многих государствах сегодня устанавливается совершенно новая реальность. <...> Итог – не секулярный, а антихристианский контекст, как в случае с Великобританией и Италией. Вместо секулярного и нейтрального пространства мы имеем примеры яркой христианофобии (Ш, с. 136–137); Протестуя против женского священства и признания гомосексуальных браков, православные протестуют против самой идеи некоего приоритета либерального стандарта (как известно, имеющего не только христианские корни) над нормой церковного Предания (I, с. 437); Почему все в обществе должны считать, что человеческая жизнь начинается только с 14-го дня жизни эмбриона, а не с его зачатием? <...> Почему считается, что допустимо из человеческих эмбрионов получать лекарства? (I, с. 98).

Ответные светские реализации данной тактики, приводимые патриархом Кириллом, подчёркивают антихристианскую сущность ультралиберализма уже своей главной заповедью *Моя свобода кончается там, где начинается свобода другого человека, и всякий человек свободен в той мере, в которой его свобода не ограничивает свободу другого* (I, с. 432), а также мнением о правах и свободе человека: *«Каждый выбирает то, что он хочет выбрать», «Не ограничивайте человеческую свободу», «Никаких объективных критериев в сфере нравственности не существует – только человеческая личность», «Хочешь растлевать малолетних – это твоё право»* (Ш, с. 238).

В светских реализациях патриарха приводится взгляд на права и свободы светского общества России: *Нам говорят: а что тут особенного? Всё новое нужно не просто принимать, но и самим искать этих перемен! Бог с ней, с этой нашей культурно-исторической традицией, которая изжила себя. Это вчерашний день, а сегодня надо открываться навстречу новому, идти путём мировой интеграции и унификации. Зачем изобретать велосипед – всё уже открыто на Западе! Посмотрите на его процветание, на его возможности и свободы. Давайте же этот образ жизни перенесём на нашу российскую почву – и всё будет в порядке, будем так же хорошо жить* (I, с. 427–428).

Особенно остро проблема ложной интерпретации прав человека встала в России после принятия Государственной Думой закона о преподавании религии в школе. В религиозных реализациях патриарх говорит: *Речь не идёт о том, чтобы основы православной культуры навязывались всем подряд и без вариантов. Это должен быть предмет по выбору. Должна быть и альтернатива. Если в классе есть мусульмане, для них могут вестись основы исламской культуры. Другой разговор, если в классе 98% православных, 1 мусульманин и 1 атеист, то я не думаю, что для преподавания этим единицам нужно за счёт государства приглашать отдельных учителей* (I, с. 368–367); *Мы стоим за свободу совести и свободу выбора как никто, потому что мы больше всех пострадали от отсутствия этой свободы. Но где же здесь свобода выбора, если 80% наших детей, крещённых в Православной Церкви, не имеют права пригласить к себе священника, а в классе, где нет ни одного сектанта, ни одного приверженца азиатских культов, ко всем 100% учащихся приходят проповедники этих религий, нарушая тем самым свободу 80% детей, крещённых в Православной Церкви? Нам не нужно никаких действий, нарушающих свободу совести. Нам нужна возможность официально прийти к этим детям, и если государство провозглашает*

принцип свободной совести, если оно включило его в конституцию, то оно должно материально обеспечивать его реализацию. Ведь в той же Финляндии, если в классе около 10 детей исповедуют ту или иную религию, государство берёт на себя ответственность за преподавание им – не всему классу, а именно им – этой религии. Давайте введём и в наших классах эту пороговую величину, например 25%. Если больше 25% детей желают изучать ту или иную религию, государство обязано обеспечить такое обучение и законодательно и материально (I, с. 83–84).

Светские реализации патриарха показывают точку зрения светского общества на эту проблему: Утверждается, что религиозный контекст не может обеспечить прав и свобод всех религиозных меньшинств... чтобы обеспечить равные права, следует полностью отделить общественную жизнь от религии (III, с. 137); Принятые Россией законы уже предполагают, что каждый гражданин имеет право на религиозное образование в школе. Практически во всех школах Запада тоже преподаются основы религии. Наши оппоненты возражают: Россия – многонациональное, многорелигиозное государство, а как же мусульмане, а как же неверующие? (I, с. 368); А когда Православная Церковь заявляет, что она должна иметь право обращаться к народу, и в частности к детям, то нам говорят: «Нельзя, свобода совести, свобода выбора не позволяет» (I, с. 83).

Выводы

Рассмотренные в работе рече-поведенческие тактики патриарха Кирилла позволяют заключить, что светская культура отстаивает собственные моральные установки, которые детерминируются ослаблением веры и влиянием западного либерального стандарта, пропагандирующего свободную личность с неограниченными правами. Следствием этого является отразившееся в наставлениях патриарха различие религиозных и светских рече-поведенческих тактик обличения деликта: гордости, идолопоклонства, ложной интерпретации прав человека.

Формально религиозные реализации тактик отличаются такими особенностями, как обращение к христианским прецедентным текстам (Священному Писанию, поучениям отцов Церкви и т. д.), применение практических назиданий и под. Но самым важным отличием следует считать несовпадение мировоззренческой основы религиозных и светских реализаций, детерминирующее и специфику интерпретации ключевых понятий – *гордость, идол (кумир), свобода человека*. В результате обнаруживается дивергенция одноимённых рече-поведенческих тактик: если религиозные тактики призывают следовать православной традиции, авторитету Церкви, обличая грех в его христианском понимании, то светские тактики характеризуются ультралиберализмом, будучи направленными на пропаганду безграничной свободы человека.

Summary

A.Yu. Chernysheva. Religious and Secular Speech-Behavioral Tactics of Denunciation of Sin.

The article describes the divergent religious and secular speech-behavioral tactics of denunciation of a delict (pride, idolatry, false interpretation of human rights) in the teachings

of His Holiness Patriarch Kirill. It is proved that the discrepancy in the tactics in secular and religious cultures is determined by the “religious and moral indifferentism” supported by the influence of the Western ultra-liberal standard.

Keywords: speech-behavioral tactics, implementation, religious and secular cultures.

Источники

- I – Быть верным Богу: книга бесед со Святейшим Патриархом Кириллом. – Минск: Изд-во Белорус. Экзархата, 2010. – 591 с.
- II – Сила нации – в силе духа: книга размышлений Святейшего Патриарха Кирилла. – Минск: Белорусская Православная Церковь, 2010. – 400 с.
- III – Церковь призывает к единству: Слово Святейшего Патриарха Московского и всея Руси Кирилла. – Минск: Белорусская Православная Церковь, 2010. – 477 с.

Литература

1. *Верецагин Е.М., Костомаров В.Г.* Язык и культура. Три лингвострановедческие концепции: лексического фона, рече-поведенческих тактик и сапиентемы. – М.: Индрик, 2005. – 1037 с.
2. *Chernysheva A.Yu.* Religious and Secular Basics in Preaching of Patriarch Kirill // Middle-East J. Sci. Res. – 2014. – V. 20, No 12. – P. 2128–2134.
3. Толковый словарь русского языка с включением сведений о происхождении слов. – М.: Азбуковник, 2008. – 1175 с.
4. *Осинов А.И.* Из времени в вечность: посмертная жизнь души. – М.: Изд-во Моск. Патриархии РПЦ, 2013. – 224 с.
5. Душеполезные поучения преподобных Оптинских старцев: в 2 т. – Козельск: Введенская Оптина Пустынь, 2003. – Т. 2. – 592 с.

Поступила в редакцию
05.06.14

Чернышёва Алефтина Юрьевна – доктор филологических наук, профессор кафедры русского языка и методики преподавания, Казанский (Приволжский) федеральный университет, г. Казань, Россия.

E-mail: Aleftina.Chernysheva@kpfu.ru